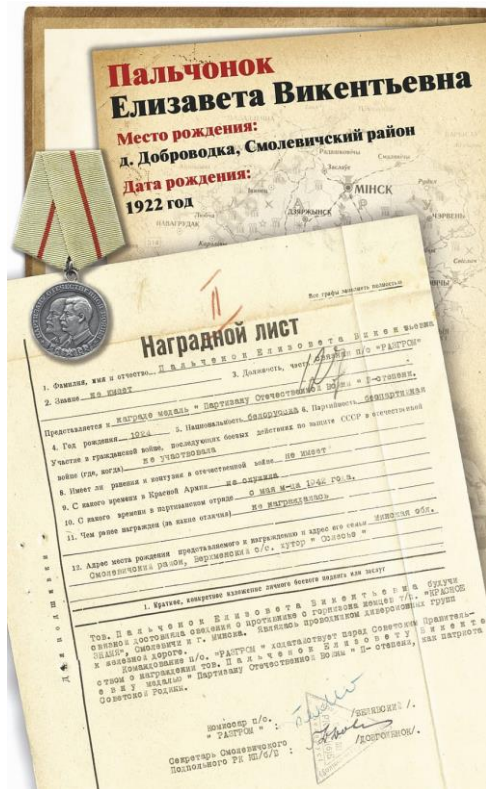

«Тихая война» отважной Лизы

У Елизаветы Пальчонок, не было высоких званий и многочисленных орденов. Тем не менее 20-летняя девушка, могла поставить на место любого мужчину из «Разгрома».

Родилась Елизавета Викентьевна Пальчонок 25 ноября 1922 года на малой родине отца, в деревне Доброводка Смолевичского района. Была старшим ребенком у крестьян Викентия и Александры. В первый класс пошла в школу в Студенку. А после того как в 1936 году ее семья переехала на хутор Аслесье, девочке каждый день нужно было топать за знаниями за 15 километров. Но судя по ее упрямому и твердому, как у отца, характеру, это расстояние не было преградой на пути к ее целям. И вот так до войны Лиза успела закончить 10 классов. О чем мечтала? Наверное, как и все в ее возрасте, — о настоящей любви, собственной семье и любимой профессии.

О том, как Елизавета Викентьевна стала партизанкой и подпольщицей, она даже своим детям мало рассказывала. Но в школьном музее деревни Кленник Смолевичского района сохранились ее воспоминания, записанные 41 год назад: — *Через хутор Аслесье в начале войны проходили отставшие и вырвавшиеся из окружения бойцы и командиры Красной Армии. Вся наша семья помогала красноармейцам с питанием, топили баню, стирали белье, выхаживали раненых, переодевали командиров, чтобы им было легче идти к линии фронта. Когда на торфозаводе «Красное Знамя» летом 1941 года появилась гитлеровская администрация, из-за боязни быть отправленной в Германию я вынуждена была пойти на работу по уборке торфа. В управлении завода оказались некоторые бывшие советские руководители — Павлющик, Кухто, Микульский, Рождественский и другие. Однажды во время работы на болоте я заметила, что уборка торфа производилась не так, как это делалось до войны. В штабеля сносили сырой, поросший травой торф, а хороший оставляли на полях. Главный инженер товарищ Павлющик и гидротехник Кухто объяснили гитлеровцам, что сырой торф за зиму подсохнет, а сухой позже соберут и сразу же отправят в Минск. Тяжелые корзины с торфом носили взрослые, а штабеля почему-то*

складывали подростки и старики. Или они не умели, или умышленно клали криво-косо, но штабеля к осени разваливались. Потом хлынули дожди, наступили холода, совсем доконавшие торф. Его, смерзшегося в ледяшки, всю зиму отгружали в Минск. Я поняла, что топливо загублено по чьему-то указанию.

В марте 1942 года отец привел домой сотрудника Смолевичского отдела милиции Григория Белявского, с которым был хорошо знаком еще до войны. Белявский прибыл из-за линии фронта для организации партизанской борьбы. Он попросил меня сходить на поселки Пелику и Черницкий, разведать там обстановку и сообщить Моисею Гнету о его местонахождении. Это задание я выполнила, после чего Белявский сказал, что посылал меня на связь с первым подпольщиком торфозавода «Красное Знамя». Гнет работал на лошади возчиком, возил военнопленным из Смолевичей и Плисы бурду и молочные отходы. Он встречался там с подпольщиками и через меня передавал Белявскому добытые сведения об этих гарнизонах.

В течение всего лета 1942 года я была не только связной, но и занималась разведкой, ходила в совхоз «Шипяны», в деревню Черная Стежка, на Центральный поселок, где размещались крупные полицейские гарнизоны, добывала оружие. С Михаилом Киселевичем, например, мы доставили из Алесино от местного жителя Альшевского станковый пулемет.

Осенью 1942 года Гнет поручил разведать охрану и дать точные сведения о работе лесопильного завода. Подпольщики торфозавода задумали его ликвидировать. В октябре завод сожгли партизаны, убив при этом несколько охранников-полицейских. Мне известно, что в этой боевой операции участвовали подпольщицы из Центрального поселка, мои школьные подруги Оля Клопова и Рая Прохорчук.

Работать стало труднее после ареста на Центральном поселке руководителей подполья, товарищей Корево, Коврика и Терешко, так как гитлеровцы усилили террор. Однако им не долго пришлось свирепствовать. В середине февраля 1943 года партизанский отряд «Разгром» при помощи подпольщиков торфозавода «Красное Знамя» уничтожил гарнизоны на Пелике, а затем и на Центральном поселке. После этого моя работа переключилась на Черницкий поселок, так как вся гитлеровская администрация переехала туда. В Пелике большие гарнизон не восстанавливался, здесь была партизанская зона.

С Черницкого поселка мы вместе с Марией Грачевой приносили и передавали партизанам медикаменты, взрыватели для мин, детали к оружию, которые нам передавали Моисей Гнет и Моисеев. В марте 1943 года Гнет сам понес в Пелику для партизан изготовленную им железную

печку, а в ней пулеметные диски с патронами, но нарвался на полицейскую засаду и был убит. Дальнейшую связь с Черницким поселком я поддерживала через П.Д. Блещика, пока он не был ранен немцами, а в дальнейшем — с Вадиком Лосицким и Мишей Небоюсиным, которые вели разведку и подробно информировали меня о Черницком гарнизоне. Добываемые сведения я передавала комиссару отряда «Разгром» Г.И. Белявскому и начальнику особого отдела бригады «Разгром» А.Н. Лапутько.

Елизавета ПАЛЬЧОНОК с мужем
Михаилом КЛЕНИЦКИМ, 1945 год.

Был ли выбор тогда у молодежи? Да. Можно было принудительно выехать в Германию и, маловероятно, но возможно, попасть куда-нибудь на ферму к бюргеру и выжить. А можно было остаться, уйти в партизанские леса или создать подпольную организацию, как героикраснодонцы. А доживешь до победы или нет.... И когда она будет? Елизавета Пальчонок свой выбор сделала: работала в логове врага,

каждый день рискуя жизнью. Это была ее тихая, но не менее страшная война.

После освобождения Беларуси Елизавета Викентьевна поступила в минское педучилище. Уже 1 января 1945 года стала учителем начальных классов Кленниковской школы и работала в этой должности до сентября 1975-го.

7 апреля 1996 года Елизаветы Викентьевны не стало...

Из материалов школьного музея,
руководитель Юрчук В.А.